

* * *

Мои слова не станут небом,
Не омрачающим чела,
А будут только чёрным хлебом
Да красной глиной гончара.

Та глина пахнет родниками,
Идущими издалека,

И светлый камень, белый камень
Лежит в истоке родника.

* * *

Небо начинается с земли,
с лепета последнего былинки,
с огонька случайного вдали,
с жёлтых Якиманок и Ордынок.

Как страницы, листья шелестят.
Где-то рядом, где-то очень рядом,
слышишь, подступает листопад,
мы с тобой стоим под листопадом.

Задыхающаяся жара
торопливо обжигает щёки,
дождь зарядит с самого утра,
глухо забормочут водостоки.

Дождь зарядит с самого утра.
Эта осень на дожди щедра.
Капли расплывутся на стекле —
небо возвращается к земле.

* * *

...Я заучил вас наизусть,
дожди, похожие на грусть...
Я прислоняюсь к фонарю,
я с фонарём заговорю,
неосторожная звезда,
свалившаяся из гнезда,
покатится по рукаву, —
живу я или не живу? —
часы, прозрачный циферблат,
идут они или стоят?..

* * *

Кружился снег, стократ воспетый,
кружился медленно и строго,
и под полозьями рассвета
плыла январская дорога.

Неприбранная мостовая
лежала в белом беспорядке,
мучительно напоминая
об ученической тетрадке.

Ах, сколько снега, сколько снега,
какая чистая страница —
пройти, не оставляя следа,
и в пустоту не оступиться.

Ах, детство, детство, моё детство,
моё фарфоровое блюдце,
мне на тебя не наглядеться,
мне до тебя не дотянуться.

Над розовыми фонарями,
над фонарями голубыми
кружился снег, и губы сами
произносили чьё-то имя.

* * *

А у нас на Зубовском бульваре
рупора играют во дворах.
А у нас на Зубовском бульваре
дождь вразброд и окна нараспах.

Дождь вразброд и улица — вкосую,
светофор вкосую на углу.
Женщину поющую рисую,
осторожно — пальцем по стеклу...

Не наказывая, не прощая,
тихо наклоняется ко мне
молодость моя или чужая —
женщина — поющая в окне.

* * *

Сегодня белый плоский теплоход
(над ним зигзаг — реки изображение)
нам предлагает странствия начать.
...А где-нибудь играют Мендельсона,
и это время выпускных балов
и всяких глупостей. Теперь ведь лето
и можно делать глупости. И окна
распахнуты. И каждое окно —
цветной фонарик. Улицей плывёт
чудесный запах булочных, молочных,
кондитерских. До локтя рукава
закатаны. Сливаются кварталы
в зелёное и шумное пятно.

А на вокзалах в мокром целлофане
серебряную продают сирень,
и, осыпаясь, тёмные соцветья
таинственное обещают счастье,
и мокрые уходят электрички
за железнодорожный горизонт,
и где-нибудь захочется сойти
и больше никуда не возвращаться.

Вы знаете, что я чуть-чуть романтик,
чуть-чуть нахал. Вы знаете, что я
разглядываю с равным изумленьем
созвездья Девы хрупкую звезду
и ваши осторожные колени...

* * *

Ах, как накурено в тёмном подъезде,
ах, как натоптано, ах, как темно.
Чёрная лестница, белая песня —
чёрное, белое — словно в кино.

Прямо из горлышка — горько и сладко,
жарко и холодно — пей без остатка!
Катится вечер, гремя и звеня,
девочка в губы целует меня!!!

* * *

Густая сладкая смола,
Дыхание греха
Да солнечная шелуха,
Истлевшая дотла.

И только сыплются слова
За пазуху и в рукава

Ой, наглотались города
Июльской белены
И облака раскалены,
И кругом голова

* * *

...когда приметы листопада
закопшатся там и сям,
когда незваная прохлада
уже бежит по волосам,
когда над городом упорно
играет чёрная валторна,
и на развалинах жары
пируют старые дворы,

и розовая Поварская,
заученная наизусть,
закружится, а я смеюсь,
и рук твоих не выпускаю,
и недоделаны дела,
а ты проста и весела...
Вот небо хлынуло потоком
и нам загородило путь,
и так легко его потрогать —
лишь только руку протянуть.

* * *

Тряская бричка с фольварка.
Полдень. Дорога. Стога.
Ах, как на масляной ярко
заполыхают снега...

Съехались. Заночевали.
Тихо поёт снегопад.
В жарком натопленном зале
толстые свечи горят...

Хлынет мазурка из окон,
словно в небытиё...
Смотрит пылающим оком
в прошлое сердце твоё.

Нет ни гостей и ни сцены,
ты у рояля один.

Творчество — вечная смена
клавишей, мыслей, картин.

* * *

Ну что ты? Видишь, мир Господень
сегодня снова беззаботен,
а улицами — листопад,
а у него такие струны,
а у него такие струи
такую музыку струят.
А где-нибудь в Замоскворечье
найдётся двор, найдётся вечер,
глаза найдутся и слова,
смывающие все заботы.
Свет расплывётся, голова
закружится... Но что ты? Что ты?

* * *

...заговори же поскорей
посередине тротуара,
свояченица снегирей —
шарманка, дудочка, гитара.

Заговори, заговори,
окраинная, гулевая —
смотри, какие фонари,
какие звонкие трамваи:

как будто нотную тетрадь,
раскрыли вдруг на середине...
Заговори...
А мне отныне
твои напевы повторять.

* * *

Вот снег неумелый и мокрый
по горло дворы завалил.
О, привкус живительной охры
на синьке февральских белил.

А большего нам и не надо,
такая у нас благодать,
такая простая отрада
снежки в мирозданье кидать.

* * *

А в январе — как в январе,
не первый снег и не последний,
а во дворе, как во дворе,
всё те же хлопоты и сплетни.
А где-то шестнадцатилетний,
неосторожный человек
идёт моим неверным следом —
неверным следом — белым светом...
Кому-то станет первым снегом,
быть может, мой последний снег...

* * *

А в доме глухо и темно.

О. Чиладзе

...а в доме музыка жила, —
когда она входила в двери,
вставали мы из-за стола,
себе уже почти не веря.

Не глядя, не смотря вокруг,
она протягивала руку,
и от руки тянулся звук
или, верней, подобье звука.

Он возникал помимо фраз,
обетов наших и обедов,
и знали мы, что он от нас
не утаит своих секретов.

Что он, правдивый до конца,
рыдая и смеясь над нами,
летит, как бабочка на пламя,
на руки наши и сердца.

Он открывал нам в нас самих
такие стороны и струны,
что становился старец юным,
а юный — мудрым, как старик.

* * *

Рубахи смертные стираем,
Огня не гасим до утра,
И начинается вторая,
Непреходящая пора.

Повиснуть капелькой брусники,
Травинкой землю проколоть, —
Меняет облики и лики,
Но плотью остаётся плоть.

Ушла божественная сила
В извечной бренности своей,
Но по земле идёт могила,
Надвинув шапку до бровей.

* * *

...но вы забыли, что в итоге
стихи становятся травой,
обочинами вдоль дороги
да облаком над головой.

И мы уходим без оглядки
в неведение и простоту
затем, что давние загадки
разглядывать невмоготу.

А ветер длинными руками
раскачивает деревья,
и листья кружатся над нами,
и превращаются в слова.